

к буржуа, стыдящимся своего происхождения, прообразам будущего мольеровского господина Журдена. В его книге нередко возникают фигуры подобных мещан во дворянстве — так, мимоходом упомянет он о каком-нибудь аббате, «корчившем из себя знатную особу и бывшем всегонавсего сыном провинциального шапочника». Пересказывая слух о том, будто сын историка де Ту гордился своим происхождением от графов де Ту, Таллеман язвительно замечает, что этим графам следовало бы гордиться тем, что они «принадлежат к семье, снискавшей себе известность высокими постами и прославленными сочинениями. Ежели покопаться, то можно было бы обнаружить, что происходят они не бог весть от кого: насколько я слышал, от крестьянина из Атиса» (106).

В отдельных случаях у Таллемана явственно прорывается своеобразная гордость буржуа, чувство своего «третьесословного» достоинства. Так, описывая, как поэт Вуатюр, который, будучи по происхождению сыном винооторговца, не только этого не стыдился, но и всячески эпатировал своей невоспитанностью изысканных посетителей салона маркизы де Рамбуйе, однажды в присутствии принцессы де Конде сыл с себя промокшую обувь, Таллеман заканчивает этот эпизод характерной фразой: «Но, право же, такое поведение — единственный способ заставить именитых господ считаться с тобой» (154).

Ряд «*historiettes*» Таллемана де Рео посвящен деятелям литературы, и главным образом тем из них, которые в пору его работы над книгой успели завоевать прочную литературную репутацию или уже сошли со сцены, как например Малерб, которому Таллеман посвятил одну из самых обширных своих «*historiettes*», широко используя в ней «*Mémoire sur Malherbe*» Рагана и уже собранные Конраром материалы об этом поэте. Таллеман нарисовал целую серию портретов современных ему поэтов и литературных деятелей — Вуатюра, Шаллепа, Менажа, первого секретаря незадолго до того основанной Академии Конрара и других. Некоторые из этих имен в наши дни утратили свое значение, но рассказы об этих литераторах, их взаимоотношениях, их дружбе и вражде, их соперничестве, интригах, об их меценатах, их окружении живо воссоздают атмосферу той интеллигентной литературной жизни Франции середины XVII в., очевидцем которой был Таллеман. Таллемана они прежде всего интересуют как человеческие характеры, как «герои» разного рода забавных историй и анекдотов — такие колоритные фигуры, как баловень салона маркизы де Рамбуйе Вуатюр, с его несносным характером, или рассеянный чудак Ракап, служившие в свое время предметом всяких толков и сплетен, представляли собой в этом отношении весьма благодарный материал. Однако в этих забавных историях и анекдотах рассеяно множество мелких, но чрезвычайно колоритных фактов и отдельных черточек, за которыми иной раз встает реальная действительность эпохи. Особый интерес они представляют для историков литературы. Отдельные вскользь упомянутые эпизоды иной раз могут оказаться убедительным аргументом